

Коллектив писателей и поэтов

**ЗАПРЕЩЕНО ДЛЯ
ДЕТЕЙ**

Электронный журнал. Пятый-штрих номер

Виктор Дробек

**Запрещено для детей.
Электрожурнал.
Пятый-штрих номер**

«Издательские решения»

Дробек В.

Запрещено для детей. Электрожурнал. Пятый-штрих номер /
В. Дробек — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938088-3

Проза мастера «уральской мистической магии» Елены Соловьевой, критика на Владимира Коваленко в рубрике «Мясник из Макондо» под авторством Виктора Дробека, «Критика кино» от Тихона Корнева, постоянная рубрика «БиХ» от Льва Колбачева, артбук художника Тим Фей и подборка его работ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938088-3

© Дробек В.
© Издательские решения

Содержание

Рубрика Благодать и Хуйня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Запрещено для детей

Электрожурнал. Пятый-штрих номер

Редактор Виктор Дробек

колумнист Лев Колбачев

сценарист Тихон Корнев

авторка Елена Соловьева

Иллюстратор Варвара Нафеева

артбук креатор Тим Фей

© Варвара Нафеева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-8088-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Основной графический стиль издания – отсутствие какого-либо стиля вообще.

В целом весь журнал – постмодернизм во все поля. (Вова Лупандин)

Основная концепция журнала – здесь и сейчас, пофигу какое место это занимает в литературном процессе. (Виктор Дробек)

бывает, поэт с именем и всякими регалиями пишет казалось бы ебанину, но ебанину крутую и прикольную (Лев Колбачев)

Дисклеймер-мантра

В Н И М А Н И Е! Электрожурнал запрещен для прочтения. Тут сплошной мат.

Любой желающий может распечатать PDF и дарить людям. Запрещено для детей и взрослых нарушать авторские права. Все права принадлежат их авторам.

Редакции и администрации тут нет, «тут нет» не несет ни за что ответственности – сажайте в тюрьму самих авторов, если они будут оскорблять ваши религиозные чувства, призывая к экстремизму и долбиться в жопу в общественных местах. С уважением, Тут Нет.

В этом номере есть права разных авторов: Виктора Дробека, Варвары Нафеевой, Тихона Корнева, Елены Соловьевой, Тима Фея, Льва Колбачева, кучки поэтов, как то: Алексея Шмелева, Сергея Жадана, Фахриёра (Фахриддина Низамова), Константина Рубинского, Андрея Полонского, Людмилы Казарян, Ануара Дуйсенбинова, Олега Бабинова, Галины Рымбу, Еганы Джаббаровской, Ивана Старикова.

Рубрика Благодать и Хуйня

Возможно, самое важное, что довелось увидеть
в жизни – камни посреди города, из которых вырастают
деревья. Гранитное основание скандинавских столиц, пейзажи,
наполненные стойкостью и любовью.

Сомнительная радость быть деревом, сомнительная честь –
ровно держать спину, чувствуя под собой смертельный холод
отчизны, стоять на ветру, который учит сдержанности, цепляться
за твердость, как за последнюю надежду.

Друзья-деревья, вы – брошенные на камни, как проповедники
на растерзание животным, испытывали ли вы сожаление хоть
когда-нибудь, что явились на свет во мраке, что не познали
от рождения легкость
средиземноморских побережий?

Друзья-деревья, стонали ли вы хоть когда-нибудь
из-за ветра, сделавшего вас столь несокрушимыми?
Роптали ли вы хоть иногда на берег, которым ограничивалась для
вас ветряная линия родины?

Мы будем брать от жизни все, что только сможем. Мы будем
выкрикивать слова благодарности в солнечные небеса наших
городов. Мы будем плакать от счастья
и смеяться от невозможности все изменить. Мы станем укреплять
береговую линию: страна, похожая на холодный камень, люди,
похожие на теплые деревья.

© Сергей Жадан, пер. с украинского Ия Кива

≈≈ ≈≈

ВЫХОДНОЙ

сегодня выходной
и чтоб взглянуть на себя со стороны
а голову набитую всякой всячиной
привести в порядок
ненужные мысли
выкидываю из окна своей квартиры на пятом этаже
вниз одну за другой

как окурки на тротуар
люблю этот звук с которым они
стукаются об асфальт
и потом качаются из стороны в сторону
словно человек с сотрясением мозга

хочется побыть садистом
когда нечего делать
наверное куда лучше
казнить мыслеформы
чем скажем ругать жену

они лежат под солнцем
блестя чешуей
у одной разбита голова
у другой носом кровь

вот оно облегчение

и наслаждение
от того как я ловко это придумал
наблюдать за их отдельным от меня
шевелением

когда и это надоедает
вхожу в комнату
дабы восполнить утраченное
открываю нищше
большого упрямца чем я
пришедшего в этот мир
заменить умерших богов
сверхчеловеком

начинаю дремать

жена толкает
пугаюсь
вскакиваю с курпачи
твои? – говорит
указывая на руки
семилетней дочери

смотрю
в ладошках ее
словно извлеченные из воды сазанчики
рты разевая судорожно трепещут
брошенные мною утром из окна
постмодернизм
метанаррация
и деструкция

Курпача (узб.) – узкое ватное одеяло.

© Фахриёр (Фахриддин Низамов). Пер. с узбекского Санджара Яньшиева.

≈≈≈≈

Где петляет дорога
и домов серпантин – три постбрехтовских бога
заглянули в один.

В нем глухая на ухо
и слепая почти
их встречала старуха
у горячей печи.

Спрятав взгляд в половицы
от старушых седин: – И чего ей не спится? – удивился один.

Ох ты, Господи Боже, добрый Боженька мой. – Не устала похоже –
оглянулся второй.

Беспольный и лишний
третий сел на кровать: – Что-то мужа не слышно
и детей не видать.

В чём нужда ей бескрылой
кроме спичек и дров? – Тихо топку закрыла
и не стало богов.

© Алексей Шмелев

≈≈≈≈

На одном фестивале поэзии
Мне рассказали про столичную критикессу,

Которая приехала в какой-то Когалым, страшно представить,
С творческим вечером,
Робкий молодой поэт принёс ей в подарок книгу, А вдруг
прорецензируете,
Но она руки за спину завела: «Детка, а вот не возьму; Если ваша
книга хорошая, она сама до меня дойдёт».

И мне *помстилось*, Что книга понимает это буквально: Собирает
манатки
И уходит от папы в столицу.

Конечно, пешком.

Идёт через Сибирь и Урал, С обязательной УПэШа-тусой
в Челябине, Холодеет, худеет (ей на пользу), Растрёпанная, теряет
стикеры-закладки,
Сделанные для чтения на презентациях.

Ковыляет за восемь тыщ километров
К этой треклятой дуре, Венере русской критической словесности,

Ненавидя её,
Но понося при этом
Своего молодого отца.

Нелегально ночует в сельских библиотеках, Не брезгует
букроссингом
(Грех, конечно, но кто кинет камень),

Избегает встреч с лакированными кирпичами Есенина
(Выпущенными в серии «Русь читальная»),

На берегу Волги пытается пересмотреть свой богатый
внутренний мир,
И тоскует: говно, какое же говно,
Я заложница этой архаичной, спекулятивной силлабо-тоники, Кто
меня ждёт?
Кто любит?
Ломоносов сраный наоборот, Даже на Флибусте не примут.

И вот, Пройдя всю новую карту русской литературы, Стоптав
снизу корешок
Приходит в Москву и попадает сразу
В довольно пыльную комнату,

Где ей делает непристойные предложения
Последний сборник Брянского Шиша: А не забавать ли нам общий
альманашек страниц так на 69?
Потом полное Чемоданова
С избранным Витухновской
И рукописным Лукомникова
Начинают распахивать её наугад и рассчитывать вслух, Хихикая
что-то о транссибирской реалистической школе.

Она от стыда вырывается и забивается
Меж подозрительно тихих папок. А это стопка, Нанесённая
в «Новый мир» самопальными авторами, И из стопки можно
вернуться в старый мир
Только через вспыхнувший в редакции пожар —

То есть, дымом и пеплом в окна.

В стопке она помирает дня через три,
Но до последнего перебирает ножками (ножками?)
Будто идёт к своей критикессе,

И хватает губами (губами?) воздух,
Но Воздух и Новый мир — это разные комнаты,
Да и об Озоне тут не слыхали.
...Она разложится через год абсолютно без запаха,
Так что никто и не узнает о путешествии
Из Когалыма в Москву.

...А в соседнем, допустим, доме,
Наша критикесса будет всё это время
Попивать что-то тёплое,

И говорить молодому сожителю,
Видному культуртрегеру:
Как же мало осталось
Честной, блять, упрямой литературы,

Книги стали малоподвижные, Безногие, Бесцельные, Неживые.

© *Константин Рубинский*

≈≈≈≈

НЕ НАХОЖУ СЛАВЯНСКОГО СЛОВА

Никогда, боюсь, у нас больше не выйдет
Большого дракона на страх маленьким постояльцам отеля,
Мы устали, втянулись в ежевечерние разговоры, покупаем приличные вещи,
И их обустроенный мир нам кажется вполне пригодным для проживания.

Наши союзники в кожаных куртках не шьют их больше из выдолбленных кож животных, убитых на охоте, Они покупают их в эргономично устроенных – не могу подобрать славянского слова – супермаркетах,

Наши враги вообще не носят мехов и кожи, защищают права животных,
И даже лучшие женщины, те, которые могли бы стать идеальной добычей,
Вместо того, чтоб распалить свое воображение и трахаться направо и налево
В поисках совершенного выхода за пределы гибнущего тела,

Выбирают, нет не участь невест Бога, а вегетарианство, нежное дружество, а то и – опять не могу подобрать славянского слова – сепаратный феминизм.

В ящике, считающем наши грёзы,
Любовные сны прочитываются,
Как ошибка – снова не нахожу славянского слова – программы.

©Андрей Полонский

≈≈≈≈

пропавшие без вести не умерли
так сказано в табличках с острова Рапа Нуи
известного как остров Пасхи
и колыбель загадочной цивилизации
там сказано
все тенали бороговы
и гуко свитали оводи
эти огненные слова видят лётчики
и самолёты падают в океан уже пустыми
их видят моряки
и мариин селесты разгадавших смысл
плывут дальше по воле волн
и чашечки с кофе ещё дымятся
они уходят
сами не зная куда
следуя закону открытой двери
следуя порыву пойдём посмотрим
там другие измерения и всё другое
может не лучше
но самолёт падает
и снаряд взорвётся через секунду
от такого приглашения нельзя отказаться

© Людмила Казарян

≈≈≈≈

модернизация 2.0
Все станет ясно
Огнеопасно
Отец наш к богу когда вернешься
Тогда рухани жангырнешься

В бога упираемся как в молчание
В молчание упираемся словно в бога
В безмолвие это когда вернешься
Отец наш тогда рухани жангырнешься

Богу богово кесарю кесарево
Ет етке мұнай президентке
Сорпы народной когда напьешься
Пастырь наш тогда рухани жангырнешься

Огнеопасное станет ясным
И можно будет искать песочек
Вдали от рухнувших пантеонов
Где вечный ветер мой свеж и светел
Где и казахов сжирает хронос
Где мне алеющий мак цветочек
Подарит рослый степной мальчишка
И будем мы с ним под звездным небом
Ставить кевларовый шанырак
На ховербайках летать в кокпарах
Переназначивать чабан-дрона
Чтобы отару гнал на жайляу
Есть курт заряженный кислотой
На интертрайбных степных кюй-рейвах
И на кошме возносить Аблая
Пока Столица кричит сгорая
Бураном белым
Вновь становясь святой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.